

Венецию научат сказкам

сегодня открывается 62-я венецианская «Мостра»

АНТОН ДОЛИН ВЕНЕЦИЯ

За сказочную доминанту в Венеции-2005 благодарить стоит азиатов. Масштабная киносказка гонконгца Цуя Харка «Семь мечей» открывает старейший кинофестиваль мира, а ближе к его завершению покажут несколько старых мультфильмов выдающегося японского сказочника Хаяо Миядзаки — по случаю присуждения последнему почетного «Золотого льва». Однако и Европе с Америкой есть чем похвастаться: честь сказочных традиций Старого и Нового Света в конкурсе будут отстаивать «Братья Гримм» Терри Гиллиама.

Говорят, «Братья Гримм» уже больше года как готовы, но продюсеры из Miramax все ждали удобного случая, чтобы выпустить их на экраны. Боялись провала. Сначала показали 20 минут из фильма в Каннах, потом отправили картину на конкурс в Венецию и одновременно выпустили в США (в России фильм тоже выйдет совсем скоро, 15 сентября). В самом деле Терри Гиллиам — клиент трудный, ни в какие схемы не вписывается. Тем более в бизнес-схемы.

Адресованы его фильмы юному зрителю (для которого они слишком сложны и мрачны) или зрелому (для которого слишком экстравагантны), понять невозможно. Вроде бы Гиллиам снимает ультра-авторское кино, а денег и времени ему надо как на масштабный голливудский боевик. Не удивительно, что ни «Приключения барона Мюнхгаузена», ни «Бразилия», ни даже «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» не получили ни больших денег, ни массовой любви, ни фестивальных трофеев. Последний по времени проект режиссера, «Потерянный в Ламанче», который должен был объединить Дон-Кихота — Жана Рошфора и Санчо Пансу —

Джонни Деппа, сорвался из-за чрезмерной масштабности замысла, оказавшегося в результате невыполнимым.

Американец Гиллиам навсегда заражен вирусом английского абсурда, который он подцепил еще в бытность членом группировки «Монти Пайтон»: кстати, в ней он отвечал не только за общую режиссуру на пару с тезкой, Терри Джонсом, но и за авангардные мультики. Эти специфические умения Гиллиам вот уже лет тридцать с переменным успехом пытается применить в полнометражном кино, так скажем, «общего пользования». «Братья Гримм» — самая успешная попытка: число реминисценций из скетчей «Монти Пайтон» здесь достигло критической отметки. Хотя, надо думать, и критики, и поклонники фильма обратят большее внимание на цитаты из сказок Якоба и Вильгельма Гриммов.

А их тут — выше крыши: на экране мелькает и хрестоматийная Красная Шапочка в компании вервольфа пугающего вида, и Матушка Жаба (она же Принцесса-лягушка, или женская версия Короля-лягушонка), и Пряничный Человек; в некоторый момент главные герои как по волшебству

преображаются в двух Золушек. Возвышается над этим великолепием Башня без входа, в которой обитает Рапунцель — уникальный гибрид Злой Королевы (с волшебным говорящим зеркалом) и Спящей Красавицы: играющая эту роль Моника Белуччи — идеальное подтверждение избитого тезиса о страшной силе красоты. Сами братья в бурлескном исполнении голливудцев Мэтта Деймона и Хита Леджера поначалу представляют собой пару клоунов — агрессивного весельчака и меланхоличного интеллектуала, а потом превращаются в героев поневоле. Вообще-то модель вовлечения автора в мир его книг была отработана в кино многократно — и тебе «Хэммет» Вима Вендерса, и «Кафка» Стивена Содерберга, — но мир книг Гриммов все-таки совершенно особенный. Это не управляемая фантазия, которую талантливый режиссер мог бы перенаправить в удобное ему русло, а древние, необъяснимые и неподконтрольные человеческому разуму архетипы. Известно, что на самом деле скучноватые филологи Вильгельм и Якоб их просто записывали — самими бы им ничего подобного в жизни не придумать.

В общем, чтобы подготовиться к просмотру такого фильма или постфактум в нем разобраться (и продлить очарование), надо не только почитать полное собрание гриммовских сказок в переводе Григория Петникова или в пересказе Александра Введенского, но и полистать «Морфологию сказки» и «Исторические корни волшебной сказки» Владимира Проппа: они многое объяснят в той исковерканной логике, по которой строил свой фильм Гиллиам. Главная ценность его работы, впрочем, в том, что он Проппа не читал (или читал давно и забыл) и вытаскивает его рецепты из глубин подсознания. Как прирожденный сказочник-кустарь, Гиллиам понимает, что должно быть попеременно страшно и смешно, — эту гремучую смесь рациональный ум современного зрителя, увы, воспринимает с трудом. Гиллиам даже декорации делает такими сказочно-гипертрофированными, что не поверить в них как-то невозможно, — в отличие от любых компьютерных чудес из высокотехнологичных историй Питера Джексона и Криса Коламбуса. И лес в «Братьях Гримм» напоминает не Фангорн из «Властелина

колец», а скорее заколдованное пространство из «Нибелунгов» великого Фрица Ланга.

Заблудиться в таком лесу — удовольствие на любителя, но уж такому любителю крышу, что называется, снесет наверняка. И тогда зрители «Братьев Гримм» (наверняка в десятки раз менее многочисленные, чем хотелось бы студии Miramax) объединятся в одну интернациональную семью. Космополитизм — отличительная особенность любых народных сказок. Космополитичное начало идеально воплощает в себе герой Петера Стормаре, бывший палач, ставший спутником и ассистентом братьев: шведский актер, сыгравший итальянца в англоязычном фильме, действие которого происходит на территории оккупированной французами Германии. Этому чудачу-садисту в конце концов удалось поверить в сказки, и пари «поверит или не поверит» стало в результате идейным центром всего фильма. По тому же принципу разделится публика, что, наверное, справедливо: мало того что не все знают, кто такие Рапунцель и Румпельштильцхен, — и выговорит то не каждый.

